

В индустрии развлечений, пожалуй, это первый случай, когда топ-звезда сама подогревает слухи о своей паре.

— От сахара, который мы едим, уже диабет развивается. Вспомнить только, как нас раньше называли странной парой, а теперь мы так быстро стали мейнстримом.

— Всё потому, что главный герой слишком старается. Я вижу, что Гу Тинхань действительно делает всё возможное, чтобы чаще появляться в одном кадре с Чу Сином.

— Не бывает недоступных жён, бывают недостаточно старательные мужья.

Мантяньсин: Завтра появятся новые горячие новости, они обнимались!

Мантяньсин — модератор сообщества фанатов пары, его считают фанатом высшей пробы. Он невероятно увлечён своей парой, личность его окутана тайной, и многие эксклюзивные новости добывает именно он.

— Раз уж об этом сказал Мантяньсин, значит, это точно правда. Мне так любопытно, кто ты такой. Неужели ассистент кого-то из артистов?

Мантяньсин: Нет, не надо гадать.

— Давайте просто наслаждаться контентом и не лезть в чужую частную жизнь. Вы видели промо-фото? Син просто невероятно красив, этот образ больного властного евнуха — мой любимый.

— Химия в сериале тоже что надо. В оригинале отношения с маленьким императором были такими двусмысленными, надеюсь, в сериале удастся передать это ощущение.

Мантяньсин: Вообще-то, химия чувствуется именно с регентом. Сильные личности — это лучше всего, а что хорошего в этом никчёмном маленьком императоре?

— Верно сказано, Син подходит только Гу Тинханю, ха-ха-ха...

— Можно войти?

Чу Син увидел, что компьютер не выключен, и решил, что у Гу Тинханя ещё есть дела.

— Я выйду, подожду тебя снаружи.

— Не нужно, я закончил.

Гу Тинхань схватил Чу Сина за руку и, приложив лишнее усилие, повалил его на диван, навалившись сверху. Если сначала это было случайностью, то теперь — чистой воды умысел. Их тела плотно прижались друг к другу, и каждое движение партнёра ощущалось предельно ясно. Почувствовав реакцию Гу Тинханя, Чу Син побледнел, а затем побагровел и, стиснув зубы, прошипел:

— Встань!

В комнате Гу Тинхань был в свободной домашней одежде, но даже сквозь неё всё было заметно. Чу Син опустил голову и раздражённо взъерошил волосы:

— Ты... иди в туалет, реши эту проблему.

— Не нужно, скоро всё пройдёт.

Выражение лица Чу Сина стало непередаваемым:

— Так... быстро?

Гу Тинхань тоже понял, что сказал что-то не то:

— Нет, иногда бывает и долго.

После этого неловкого диалога они перешли к делу.

— Чтобы лечиться, мы должны серьёзно относиться к процессу. А ты каждый день обнимаешь меня, прижимаешься — это никуда не годится.

— Почему? Я тебе противен? — Гу Тинхань снова погрузился в своё унылое состояние.

Чу Син знал, что в этом есть доля притворства, но всё равно выглядел он очень жалко.

— Дело не в этом. Я нашёл способ: нужно получить максимальное удовлетворение за короткий промежуток времени, а потом какое-то время вообще не приближаться друг к другу. — Чу Син строго посмотрел на Гу Тинханя. — Ты знаешь, что нужно сделать, чтобы получить это удовлетворение?

— Возможно, мне потребуется много.

— Хорошо, подходи, я готов. — Чу Син глубоко вздохнул и широко раскинул руки.

Гу Тинхань предупредил его:

— Это будет очень настойчиво.

— Да хватит болтать, давай уже. — Чу Син нетерпеливо зыркнул на него.

— Хорошо. — Гу Тинхань больше не медлил. Он наклонился и заключил Чу Сина в объятия так, что ноги того оторвались от пола.

Такое ещё можно было терпеть, Чу Син старался не замечать своего пылающего лица. Гу Тинхань коснулся пальцами его щеки, прижался лбом к его лбу, носом к носу.

Ещё можно терпеть. Терпи, терпи, всё ради лечения. После сегодняшнего дня целая неделя будет свободной.

Вскоре Чу Син перестал сдерживаться: Гу Тинхань впился в его губы. Словно голодный волк, вцепившийся в добычу, он не давал ему ни единого шанса отступить. Лечение, это всего лишь лечение, после этой ночи всё закончится — только так Чу Син мог себя утешить.

Глядя на своё отражение в зеркале, он едва узнал себя. Лицо было пунцовым, ярче любой розы, а губы казались накрашенными.

— Чёрт возьми, я ведь даже не сопротивлялся. — Он зачерпнул холодной воды и плеснул в лицо, пытаясь сбить жар.

Однако чем сильнее он старался забыть, тем ярче всплывали воспоминания.

— Хозяин, ваш пульс слишком высокий, это выходит за пределы нормы. Рекомендую обратиться к врачу.

— Я в порядке, это просто случайность. Как я мог к нему...

Чу Син лежал в кровати, но уснуть не мог: ворочаясь с боку на бок, он видел лишь лицо Гу Тинханя. Тот тоже не спал, касаясь пальцами своих губ. Он несколько раз открывал профиль Чу Сина, чтобы написать сообщение, но так и не решился.

Чу Син смотрел на экран, где высвечивалось: печатает..., но сообщение так и не приходило. На душе стало чуточку легче — по крайней мере, не он один пребывал в таком смятении.

На следующий день Гу Тинхань был в отличном настроении. Завидев Чу Сина, он направился к нему, но за два метра остановился: Чу Син показал ему экран телефона.

— Период воздержания, приближаться нельзя.

Настроение Гу Тинханя мгновенно улетучилось, словно над головой сгустились тучи. Он совсем забыл об этом правиле. Теперь он понимал, что вчерашняя ночь была лишь попыткой утолить жажду ядом, а впереди целая неделя без возможности подойти — он сойдёт с ума.

К счастью, им предстояла совместная сцена: первая схватка регента и Цзи Тинъяня. Регент приподнимает подбородок Цзи Тинъяня, вглядываясь в лицо этого известного при дворе красавца-злодея.

— Стоп! — режиссёр нахмурился. Он не ожидал, что ошибка будет со стороны Гу Тинханя. — Регент презирает происхождение Цзи Тинъяня, он не может позволить себе физического контакта.

— Я так не считаю. Происхождение Цзи Тинъяня низко, что лишь подчёркивает его выдающиеся способности. Как достойные друг друга противники, они должны чувствовать некое тайное родство душ.

В конце концов режиссёр согласился с Гу Тинханем, и тот получил шанс сократить дистанцию. Чу Син усмехнулся, игриво приподняв бровь. Гу Тинхань тоже растянул губы в улыбке.

— Это нужно по сюжету?

— Это нужно по сюжету или лично тебе? М? — голос Чу Сина на последней ноте стал вкрадчивым, наполненным двусмысленностью.

Регент провёл пальцами по подбородку главного евнуха, лаская его мочку уха:

— Господин евнух, вы так прекрасны. Неужели именно этим лицом вы добились благосклонности маленького императора? Если бы вы захотели, то смогли бы соблазнить кого угодно.

Цзи Тинъянь больше всего ненавидел, когда обсуждали его внешность:

— Господину регенту лучше позаботиться о себе. С моей грубой внешностью мне не снискать расположения Его Величества.

Он развернулся и ушёл. Регент потёр пальцы, которыми касался его, и едва уловимо вдохнул их аромат. Этот момент не соответствовал оригиналу, но был снят настолько эстетично, что режиссёр Го, поддавшись наитию, решил оставить его в фильме.

Этот кадр впоследствии стал легендарным.

<http://bllate.org/book/21593/2225829>